

наук СССР Е. В. Зверозомб-Зубовский любезно сообщил мне, что рассказы о полозах существуют и среди населения нижнего Дона.

Подводя итог, нетрудно прийти к выводу, что полозы были широко известны на юге, где происходили события Игорева похода, и что упоминание в „Слове“ „полозиев“, крупных блестящих змей, вовсе не свидетельствует „о мелочности изображения“, как предполагал А. А. Потебня.

Фольклор с давних времен сохранил до нашего времени сведения о крупных змеях. Н. Ф. Сумцов авторитетно утверждал, что „в сказаниях о полозах раскрывается отчасти техника народного поэтического творчества“. Поэтому нельзя согласиться с Вс. Миллером и Л. А. Дмитриевым в том, что полозы в „Слове“ нарушили бы „поэтическую целостность“ картины. Наоборот, упоминание полозов в „Слове“ придает картине природы не только „поэтическую целостность“, но и особый „колорит юга“. Подобный образ употребил и М. Ю. Лермонтов. Вспомните:

Хотя бы крикнул коростель
Иль стрекозы живая трель
Послышалась! Или ручья
Ребячий лепет! . — Лишь змея,
Сухим бурьяном шелеста
.
Скользила бережно. . .

Замечательно, что два гениальных русских поэта — XII и XIX столетий — нашли аналогичные образы для изображения тишины в природе, тишины, благоприятной для героев. Заметим, что ни автор „Слова“, ни М. Ю. Лермонтов не боялись нарушить „поэтическую целостность“, называя змей наряду с птицами и зверями.

Кто видел живого полоза в степи, бесшумно скользящего в траве, тот согласится с выводами, что „полозие“ „Слова“ — это змеи, полозы, — поэтический образ, затмевающий „ползающих“ сорок, дятлов, „ползиков“ и „ползунчиков“, которые действительно были бы „мелкими изображениями“.